

Модели взаимоотношений между наукой и религией

Денис Р. Александер

Резюме

Взаимоотношения между наукой и религией всегда были и до сих пор остаются изменчивыми и запутанными. Модели могут быть полезны для обработки имеющихся сведений. В данной работе сопоставлены четыре основных типа моделей, предложенных для описания взаимоотношений науки и религии, при этом подчеркиваются их сильные и слабые стороны. Автор делает в итоге вывод, что модель «дополнительности» является наиболее плодотворной для установления связи между научными и религиозными знаниями.

В науке конкурирующие модели часто становятся объектом активной дискуссии. Термин «модель» в науке имеет множество значений, но, в основном, относится к одной ключевой идее, которая необходимым образом объединяет определенный набор данных. Например, в начале 1950-х существовало несколько конкурирующих моделей для описания структуры ДНК, молекулы, содержащей коды генов, но в конце концов проблема была решена Уотсоном и Криком: двуспиральная модель действительно предоставляет наилучшее описание структуры ДНК¹.

Возможно ли существование такой же уникальной модели, подобным образом описывающей взаимоотношения между наукой и религией? Маловероятно. Во-первых, и наука, и религия — в высшей степени сложные структуры. Более того, они обе находятся в состоянии постоянного изменения. В отличие от неизменной структуры ДНК, описанной единственной хорошо обоснованной моделью, невозможно создать ни одну всеобъемлющую модель, которая описывала бы взаимоотношения между наукой и религией. Поэтому существует вполне обоснованное мнение, что самый безопасный подход при изучении науки и религии — просто описать всю сложность взаимоотношений между ними².

Все же, жизнь коротка, и модели сохраняют свою общую значимость в определении способов установления взаимосвязи между различными областями знаний, являясь полезными, по меньшей мере, как вступительный инструментальный к обширной литературе. Более того, наиболее активные приверженцы той точки зрения, что единственной модели *достаточно* для полного описания взаимодействий между наукой и религией, продолжают отстаивать ее. Данная работа преследует две цели: представить четыре основных модели, посредством которых можно описать взаимоотношения между наукой и религией, и критически оценить предположение, что хотя бы одна из них способна полностью охватить всю ситуацию, при этом подчеркнув, что одна модель, в частности, до-

Об авторе

Доктор Денис Александер (Denis R. Alexander) – директор Института Фарадея по изучению науки и религии и член Колледжа Св. Эдмунда, Кембридж; старший научный сотрудник Института Бибрехема, Кембридж, где прежде он был председателем Программы молекулярной иммунологии и главой Лаборатории передачи сигналов и развития лимфоцитов. Также доктор Александер является редактором журнала *Science & Christian Belief* и автором книги *Rebuilding the Matrix - Science and Faith in the 21st Century* (Lion, 2001.)

казала свою наибольшую полезность. Существуют также и более полные изложения, содержащие более подробные описания моделей³.

Определение науки и религии

Когда мы говорим о взаимоотношениях между двумя областями знаний, это уже подразумевает, что эти области в некотором роде отличаются друг от друга. Подобное утверждение показалось бы бессмысленным средневековым ученым, для которых богословие и натурфилософия сливались в единое всеобъемлющее знание. Но сегодня, по крайней мере, в англоязычном обществе, термином «наука» обычно называют «современную эмпирическую науку», которая не имеет ничего общего с богословием, и разграничение между ними давно нашло отражение в структуре университетских факультетов. В рамках задачи данного исследования можно определить науку как «интеллектуальные усилия с целью объяснить процессы, происходящие в физическом мире при помощи эмпирического исследования, проводимого обученным особым методом сообществом». Кратко определить религию, как известно, сложно, но для наших целей мы назовем религией

1 Watson, J.D. and Crick F.H.C. *Nature* (1953) 171, pp. 737-738.

2 John Hedley Brooke: http://161.58.114.60/webexclusives.php?article_id=590

3 Barbour, I. *When Science Meets Religion*, San Francisco: Harper (2000); Haught, J. F., *Science and Religion: From Conflict to Conversation*, Paulist Press (2005); Stenmark, M. *How to Relate Science and Religion*, Grand Rapids/Cambridge: Eerdmans (2004).

«систему верований, затрагивающую трансцендентную действительность в плане цели и значения в мире и находящую выражение в общественных практиках».

Четыре модели отношений между наукой и религией

Здесь будут описаны четыре модели и для каждой будет подчеркнута не только ее полезность, но и невозможность с ее помощью охватить все имеющиеся сведения. Стоит помнить, что модели могут играть как описательную, так и нормативную роль: они пытаются описывать, что существует на самом деле, но также они часто используются в попытках понять, что должно быть.

1. Модель конфликта

Эта модель утверждает, как ясно из названия, что наука и религия в принципе противоположны и что так было всегда. Эта идея отчетливо выражена Уорэллом, когда он писал, что «Наука и религия находятся в состоянии непримиримого конфликта... Невозможно *одновременно* обладать достаточно научным мышлением и быть истинно верующим⁴». Заметьте, что в этом утверждении присутствуют как описательные, так и нормативные элементы.

Поддержка модели

С точки зрения социологии, вряд ли можно усомниться в том, что эта модель остается очень популярной. Например, недавнее исследование среди британских старшеклассников показало, что 29% из них согласны с утверждением, что «наука находится в конфликте с религией»⁵. Это их мнение является результатом действия СМИ, которые часто предпочитают описывать именно конфликты с целью привлечь внимание аудитории. Ричард Докинз как ярый приверженец модели конфликта утверждает: «Я делаю комплимент религиям, рассматривая их как научные теории, и... Я вижу в Боге соперничающее объяснение фактам о Вселенной и жизни»⁶.

«В целом, конфликты обычно случаются тогда, когда либо наука, либо религия занимают «экспансионистскую» позицию».

Идея конфликта также поддерживается более фундаменталистскими ветвями авраамических религий, которые очень буквально трактуют Библию или Коран. В США около 40% населения придерживается креационистских взглядов⁷. В недавнее время антидарвинистское движение, известное как «Разумный замысел» ('Intelligent Design', ID), достигло в США большой популярности, утверждая, что определенные биологические организмы слишком сложны, чтобы возникнуть «случайно», указывая тем самым на «замысел» как на возможную альтернативу. И креационизм, и ID привели в итоге к громким судебным процессам, на которых обсуждалось, чему должны учить детей в американских школах.

4 Worrall, J. 'Science Discredits Religion', in Peterson, M.L. and Van Arragon R.J. (eds.) *Contemporary Debates in Philosophy of Religion*, Blackwell (2004), p. 60.

5 Wilkinson, D. 'Hawking, Dawkins and The Matrix', in Alexander, D. (ed.) *Can We Be Sure About Anything?*, Leicester: Apollos (2005) p. 224.

6 Dawkins, R. *River Out Of Eden*, HarperCollins (1995), pp. 46-47.

7 Miller, J.D., Scott, E.C. and Okamoto, S. 'Public Acceptance of Evolution', *Science* (2006) 313: pp. 765-766.

В более светской европейской обстановке, где учебные планы утверждаются на государственном уровне, а не школами на местах, как в Америке, движение креационистов и ID привлекло к себе гораздо меньше внимания. Тем не менее, сильное влияние американских СМИ и освещение этой проблемы в научных журналах привело к тому, что этот локальный конфликт стал международным.

В целом, конфликты обычно случаются тогда, когда либо наука, либо религия занимают «экспансионистскую» позицию, стремясь дать ответы на вопросы, которые совершенно обоснованно принадлежат к другой области исследований. Например, в своей книге «Совпадение» Э.О. Уилсон высказывает мнение, что любое знание без исключения, включая религию, может быть, в конечном счете, переведено в научное⁸. Все же многие ученые и философы утверждают, что подобные попытки научной экспансии дискредитируют науку и что огромный успех науки отчасти связан со скромностью ее объяснительных амбиций.

Первые поколения пропагандировавших модель конфликта авторов стремились привести в доказательство своих утверждений примеры из истории. Такими подтверждениями считались конфликт между Галилеем и церковью по поводу гелиоцентрической теории и воображаемое противодействие церкви дарвиновской теории эволюции. Однако теперь к этому материалу с целью доказать модель конфликта обращаются лишь те, кто не очень хорошо знает историю научной литературы. На самом же деле, как будет показано ниже, историческая литература, в основном, опровергает эту модель⁹.

Критика модели конфликта

Популярность этой идеи в обществе не означает ее истинности. Научные теории принимаются на основании доказательств, а не общественного мнения. Желая оценить модель конфликта с научной точки зрения будут интересоваться скорее доказательствами, чем популярностью.

То, что модель конфликта признается абсолютно противоположными группами, представленными наиболее радикальными слоями научного и религиозного сообществ, не может не настораживать. На самом деле, число ученых, намеренно совершающих выпады против религии, составляет довольно небольшой процент от всего научного сообщества. Но мнение радикалов получает большую огласку в результате освещения в СМИ. Эти полностью противоположные группы, на самом деле, имеют гораздо больше общего, чем они готовы признать. Однако более интересным вопросом являются религиозные убеждения ученых в целом. Если модель конфликта верна, то можно предположить полное отсутствие какого бы то ни было пересечения религиозной и научной практики. Однако данные исследований в США показывают, что процент ученых, верящих в личного Бога, который отвечает на молитвы, практически не менялся с 1916 по 1996 гг. и составляет около 40%¹⁰. Более того, и в Европе, и в США, су-

8 Wilson, E.O. *Consilience - the Unity of Knowledge*, Abacus (1998).

9 Для дальнейшего чтения см. Brooke, J. H. *Science & Religion - Some Historical Perspectives*, CUP (1991); Брук Д. Х. Наука и религия: историческая перспектива, БИ св. ап. Андрея, М. (2004); Lindberg, D. C. *The Beginnings of Western Science*, University of Chicago Press (1992); Lindberg, D. & Numbers, R. (eds.) *When Science and Christianity Meet*, Chicago University of Chicago Press (2004); Brooke, J. & Cantor, G. *Reconstructing Nature - the Engagement of Science and Religion*, T & T Clark, Edinburgh (1998); Harrison, P. *The Bible, Protestantism and the Rise of Natural Science*, CUP (1998).

10 Larson, E.J. and Witham, L. 'Scientists are still keeping the faith',

ществует большое количество обществ и журналов для тех ученых, которые хотели бы выяснить, как наука влияет на их веру, что показывает, что нет никакой абсолютной несовместимости между научными и религиозными убеждениями¹¹.

«Идеологическое давление на науку сыграло большую роль в возникновении модели конфликта».

Идеологическое давление на науку сыграло большую роль в возникновении модели конфликта, но важно помнить, что эта идеология не присуща самим теориям. Вместо этого часто случается так, что люди пытаются использовать и используют авторитет науки (по большей части, ее «великих теорий») для подкрепления их собственной идеологии. Заставляет задуматься, например, тот факт, что дарвиновской теорией эволюции пытались поддержать капитализм, коммунизм, расизм, теизм и атеизм¹².

Пожалуй, более всего остального модель конфликта ставится под вопрос тем вкладом, который внесли религиозные убеждения в возникновение современной науки. Многие заложившие основы современных научных дисциплин натурфилософы рассматривали свою веру в Бога как важную движущую силу исследования и понимания созданного Богом мира¹³. Возникновение множества особых аспектов научного исследования было обусловлено христианской верой. Например, эмпирический (экспериментальный) подход, сыгравший ключевую роль в развитии современной науки, стал следствием изменчивых взаимоотношений между Богом и созданным им порядком, вследствие которых, свойства вещей можно установить только экспериментально, нельзя их вывести из первичных положений. Идея научных законов, впервые четко высказанная в трудах Ньютона, Бойля и Декарта, появилась благодаря библейскому образу Бога как законодателя. Сегодня ни один историк науки не считает, что модель конфликта предоставляет удовлетворительную всеобъемлющую систему взглядов, в рамках которой возможно понять исторические взаимоотношения между наукой и религией. Когда между ними возникло разногласие, это было больше похоже на случайную ссору двух близких родственников, и уж точно не на вражду, которая возникает вследствие естественной несовместимости¹⁴.

2. Модель непересекающихся магистерий

В своей работе *Rock of Ages* Стивен Джей Гулд популяризовал представление, что наука и религия принадлежат к «непересекающимся магистериям» (*NOMA: Non-Overlapping Magisteria*)¹⁵. Гулд утверждал, что наука и религия действу-

ют в разных областях и затрагивают довольно разные вопросы и, таким образом, между ними по определению не может быть никакого конфликта. Вдобавок, Гулд придерживался мнения, что наука имеет дело с фактами, в то время как религия касается вопросов этики, ценностей и целей. Гулд был не первым, кто высказал эту точку зрения, однако здесь мы будем использовать его удобный термин «непересекающиеся магистерии» (*NOMA*).

Поддержка модели

Самый убедительный довод в пользу модели *NOMA* — тот, который и высказал Гулд: наука и религия действительно задают довольно разные вопросы о мире. Наука заинтересована в поиске механистических объяснений, тех, которые истолковывают как вещи стали такими, какими они являются, или принцип их действия. Наука ищет общие законы, которые позволяют так описать свойства вещей, чтобы позволить дальнейший прогноз. Наука стремится к математическому описанию имеющихся сведений, когда это только возможно. Для науки важна возможность эксперимента и последующего воспроизведения его результатов. Религия же, наоборот, обычно задает предельные вопросы; согласно известному афоризму Лейбница: «Почему существует нечто, а не ничто?» Религия желает знать, в первую очередь, почему возможна наука. По словам Стивена Хокинга: «Что вдыхает огонь в уравнения?» Почему Вселенная принимает на себя все тяготы существования? Имеет ли жизнь какое-либо предельное значение или цель? Существует ли Бог? Как мы должны поступать в этом мире? Гулд был прав: наука и религия действительно задают разные вопросы.

Критика модели *NOMA*

Против модели *NOMA* можно высказать три основных замечания. Первое замечание исторического характера. Гулд сам роковым образом разрушил собственную модель, сочиня занимательные очерки о ключевых для истории науки лицах, на мышление которых сильное влияние оказали их религиозные взгляды¹⁶. Определенный обмен идеями между наукой и религией на протяжении веков, а также их взаимодействие, продолжающееся и по сей день, не подтверждают тот взгляд, что эти две области человеческой деятельности лежат в разных плоскостях.

Второе замечание основывается на том факте, что, хотя наука и религия на самом деле задают разные вопросы о действительности, действительность, к которой они обращаются, в обоих случаях одна и та же. Успех науки основан на строгом ограничении задаваемых ею вопросов. Но даже столь ограниченный репертуар не может скрыть значимость многих ученых для религии. Например, профессор-космолог Пол Дэвис, не исповедующий никакую традиционную религию, обнаружил, что элегантная точная настройка описывающих устройство Вселенной законов вынудила его рассмотреть религиозные объяснения¹⁷. Если бы модель *NOMA* была абсолютно верной, нельзя было бы ожидать подобных выводов.

Nature (1997) 386, 435–436. В дополнение к этому, обширное исследование, проведенное Комиссией Карнеги среди более чем 60 тысяч профессоров колледжей США, примерно четверти всего преподавательского состава колледжей, показало, что 55% ученых, связанных с физикой и науками о жизни, считают себя религиозными, и около 43% регулярно посещают церковь.

11 Например, «Христиане в науке» (*Christians in Science*: www.cis.org.uk); «Американское научное общество» (*The American Scientific Affiliation*: <http://www.asa3.org/>); «Международное общество по изучению науки и религии» (*The International Society for Science and Religion*: <http://www.issr.org.uk/>) и многие другие. См. ссылки на <http://www.st-edmunds.cam.ac.uk/faraday/Links.php>.

12 Alexander, D.R. *Rebuilding the Matrix – Science & Faith in the 21st Century*, Oxford: Lion (2001), глава 7.

13 См. ссылки в примечании 9.

14 См. ссылки в примечании 9.

15 Gould, S.J. *Rock of Ages*, Ballantine Books (2002).

16 Например, Гулд С. Дж. о преподобном Томасе Бернете, авторе работы семнадцатого века «Священная теория Земли» (*The Sacred Theory of the Earth*) в *Ever Since Darwin*, Penguin Books (1980), гл. 17, pp. 141–146.

17 Davies, P. *The Mind of God: The Scientific Basis for a Rational World*, Simon & Schuster, переиздание (1993); Davies, P. *The Goldilocks Enigma: Why is the Universe Just Right for Life?*, London: Allen Lane (2006). Дэвис П. *Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации*. ББИ св. ап. Андрея, М. (2009).

Третья проблема данной модели происходит из достаточно очевидного факта, что и наука, и религия — это сферы, в первую очередь, человеческой деятельности. Ученые, имеющие религиозные убеждения, по понедельникам работают в исследовательской команде в лаборатории, а по воскресеньям посещают богослужение в церкви. Несмотря на то, что эти два действия никак не соотносятся, наш мозг устроен так, что он просто не может отделить одну грань нашей жизни от другой так, как будто между ними нет никакой связи. На самом деле, многие христиане находят превосходную возможность взаимодействия между религиозной и научной жизнью¹⁸. Более того, те верующие, вера которых основывается на свидетельствах, могут утверждать, что их религиозные воззрения так же, как и научные, опираются на факты. Столь хорошо обоснованные черты религиозного мышления и опыта вступают в некоторое противоречие с моделью *NOMA*.

3. Модели синтеза

Модели синтеза являются полной противоположностью модели *NOMA* в том, что они стараются в целом сгладить различие между религиозным и научным знанием либо пытаются использовать науку для построения системы религиозного мышления или наоборот. Множественное число «модели» необходимо, потому что различные стратегии для достижения синтеза сильно отличаются друг от друга.

Модели синтеза, предполагающие движение из науки в религию, более популярны в рамках монистической системы мышления, нежели дуалистической. Представление знания о Боге (богословие) как отличного от знания о порядке вещей (наука) более распространено в культурах, испытывающих влияние авраамических религий, которые традиционно разделяют Бога и его творение. В противоположность этому, в культурах, находящихся под влиянием индо-буддийской монистической системы мышления, в которых любое знание рассматривается как часть все той же предельной реальности, даже разговор о «взаимоотношении религиозного и научного знания» может звучать весьма двусмысленно. Если любое истинное знание — это, в конце концов, часть той же самой реальности, как вообще эти области могут разделяться? Такое мировоззрение породило книги, в которых утверждается, что, например, квантовая механика соотносится некоторым образом с восточным религиозным мышлением, тем самым иллюстрируя «синтетический» подход¹⁹. Процессуальное богословие имеет некоторое философское родство с монистической системой мышления и в своей «жесткой форме» дает пример модели синтеза²⁰. Подходя с противоположной стороны, креационисты представляют религиозные взгляды так, как будто они являются наукой, стремясь объединить научное и религиозное знание, отдавая предпочтение религиозным верованиям.

Поддержка моделей синтеза

Модели, стремящиеся объединить научное и религиозное знание, столь разнообразны, что каждая из них нуждается в отдельном изучении, чему препятствует размер статьи. Однако в целом, заслуга моделей синтеза заключается в том,

что они обычно (но не всегда) и к науке, и к религии подходят серьезно; в действительности, настолько серьезно, что стремятся использовать убеждения одной из них для создания элементов другой. Эти попытки следует четко отличать от естественного богословия, которое ставит своей целью показать, что некоторые открытые наукой свойства природного мира указывают на существование и/или сущность Бога. Модели синтеза заходят намного дальше естественного богословия, утверждая, что *содержание* науки дополняет *содержание* религии и наоборот.

Критика моделей синтеза

Против моделей синтеза можно выдвинуть два основных утверждения. Первое проистекает из важного решения принятого основателями Королевского общества с их девизом *Nullius in verba* («Ничьими словами»), которые постановили сконцентрироваться на натурфилософии и не обсуждать религию на своих заседаниях. Это произошло не потому, что основатели общества не были христианами — отнюдь нет, — просто они признали, что для успеха в изучении сотворенного Богом мира нужно сосредоточиться на его свойствах, а не на его предельном значении. В ретроспективе это решение, вероятно, сыграло важную роль в поддержке развития науки как отдельной области знаний о мире, сильнее отделив ее, по меньшей мере, в том, что касалось публикаций, от мира политики и мира религии. С прагматической точки зрения это огромное преимущество. Великая сила научного сообщества заключается в том, что в его рамках люди любой веры и неверующие могут сотрудничать для достижения определенных ограниченных целей, используя стандартизованные методы, технику и публикуя результаты. Как только в ту или иную теорию «вносят вклад» идеология или религия, ее становится гораздо сложнее рассматривать с чисто научной точки зрения. К тому же, значительная утрата ясности наблюдается тогда, когда в одном и том же рассуждении хаотически смешиваются религиозные и научные понятия.

Второе общее замечание относится, в основном, к попыткам вывести из современной науки религиозные убеждения. Проблема здесь заключается в том, что наука очень быстро движется вперед, и модные сегодня теории на следующий день становятся устаревшими. Те, кто выстраивает свои религиозные взгляды на основе современных научных теорий, могут обнаружить, что они строят замки из песка.

4. Модель дополнительности

Эта модель утверждает, что наука и религия обращаются к одной действительности с разных перспектив, предоставляя не соперничающие, а дополняющие друг друга объяснения. Понятие дополнительности было введено физиком Нильсом Бором для описания связи между корпускулярным и волновым описанием материи — было необходимо использовать одновременно оба описания, чтобы верно обработать имеющиеся данные. Со времен Бора идея дополнительности значительно расширилась в рамках науки и религии, охватывая все, что вследствие своей сложности требует объяснения на нескольких уровнях.

Классическим примером является множество описаний, необходимых для полного понимания человеческого индивидуума, составленных на основании анализов различных уровней, которые проводятся в рамках таких дисциплин, как биохимия, биология клетки, физиология, антропология

18 Berry, R.J. (ed.) *Real science, real faith: 16 scientists discuss their work and faith*, Monarch, переиздание (1995).

19 Например, Zukav, G. *Dancing Wu Li Masters: An Overview of the New Physics*, Harper Perennial Modern Classics (2001).

20 Whitehead, A.N. *Process and Reality: An Essay in Cosmology*, New York: Macmillan (1929). Критическое издание — Griffin, D.R. & Sherbourne, D.W., New York: Macmillan (1978).

и экология. Ни одно из этих научных описаний не вступает в противоречие с остальными, все они необходимы для понимания сложности людей в контексте их окружения. Подобные дополнительные взаимоотношения существуют между мозгом и разумом. Научные описания того, что происходит с нейронами во время мозговой активности дополнены по отношению к личностному понятию «Я», которое отражает мысли сознательного человеческого разума. Игнорирование одного из уровней в пользу другого обедняет наше понимание человеческой личности.

В рамках языка дополнительности религия предоставляет нам набор объяснений, которые нельзя оценить с научной точки зрения. Они относятся к действительным вопросам предельной цели, ценности и смысла. На этих уровнях религиозного объяснения нет ничего, что могло бы вступить в противоречие с уровнями объяснения научного: эти описания дополнены. Так же, как, в принципе, возможно использовать энцефалограмму, чтобы описать нейронную активность мозга ученого, когда он оценивает данные, полученные в своей лаборатории, взвешивая их значимость для исследуемой в данный момент теории, можно повторить этот эксперимент на ком-либо (в том числе, на том же человеке) в другой ситуации, например, когда он оценивает основания для религиозных взглядов. Однако ни в том, ни в другом случае полученные при помощи энцефалограммы данные не могут быть использованы для определения правильности (либо ошибочности) полученных выводов, эта процедура должна быть основана на мыслительной оценке, сделанной участвовавшим в эксперименте человеком. Эта личная оценка и научное описание происшедшей во время этого процесса мозговой активности вместе обеспечивают дополнительные представления того, что является, по всей вероятности, единой реальностью. И оба подхода необходимы для правильной оценки феномена.

Поддержка модели дополнительности

Огромное преимущество данной модели состоит в том, что она очень серьезно относится и к научному, и к религиозному объяснению, отдавая должное обоим. Она не попадает в ловушку наивного редукционизма, считающего достойным только научное объяснение, но желает учесть более широкий спектр предельных вопросов, которые лежат вне интересов науки, нисколько не преуменьшая при этом ценность научного знания. В то же время, данная модель часто опровергает модели синтеза на том основании, что они либо вкладывают в научные теории неподтвержденные религиозные суждения, либо необоснованно помещают религиозные верования в научный контекст тогда, когда ситуация требует многоуровневого набора объяснений, который и предоставляет модель дополнительности. Эта модель также опровер-

гает и приведенный выше сценарий Докинза, по которому научные и религиозные объяснения обречены противоречить друг другу.

Критика модели дополнительности

Против этой модели были направлены два основных довода. Первый заключается в том, что она может легко по умолчанию перейти в модель NOMA, избегая, таким образом, трудной задачи объединения в одну теорию очевидно несовместимых данных. Это справедливый довод Дональда Маккея, который утверждал, что дополнительные объяснения оправданы «только тогда, когда мы находим, что они оба необходимы для оценки опыта»²¹.

Второй довод заключается в том, что эта модель может дать впечатление, что наука — это область объективной истины и фактов, в то время как религия — субъективных взглядов и ценностей. Хотя, в принципе, нет никакой причины, по которой дополнительные морально-религиозные описания не могут быть такими же фактическими, как и научные. Например, как факт морали мы можем принять то, что изнасилование и каннибализм это плохо. Если мы принимаем данное утверждение как факт морали, не кажется иррациональным считать, что подобные моральные или религиозные измерения в наших дополнительных описаниях реальности могут быть столь же фактическими, как и различные уровни научного описания.

Заключение

Ни одна модель полностью не охватывает все те сложности, которые характеризуют различные взаимоотношения между наукой и религией. Тем не менее, одна из моделей кажется явно полезнее остальных. Тем, кого больше интересуют данные, а не риторика, модель конфликта кажется неправдоподобной, хотя и ее полное исключение отнюдь не означает отсутствие случайных разногласий. Точно так же неубедительна и модель NOMA, по крайней мере, в своей «жесткой форме». Модели синтеза приводят к риску размывания границ между различными областями знания, которые для достижения ясности лучше разделять. Модель дополнительности не охватывает все виды взаимоотношений между наукой и религией, но она справедлива для многих из них, вводя представление о многослойной реальности. Тому, кто думает, что значимость имеет только то знание, которое предоставляется его сферой деятельности, следует расширить свой кругозор и не быть столь ограниченным.

21 MacKay, D.M. *The Open Mind*, Leicester: IVP (1988), p. 35.

Фарадеевские доклады

Фарадеевские доклады публикуются Фарадеевским институтом по науке и религии (St Edmund's College, Cambridge, CB3 0BN, UK), благотворительной учебно-исследовательской организацией (www.faraday-institute.org). Этот доклад был переведен с английского Александром Фарутиным под редакцией Алексея Бодрова. Мнения, выраженные в докладах, принадлежат авторам и не обязательно представляют взгляды института. В фарадеевских докладах рассматривается широкий спектр тем, связанных с взаимодействием науки и религии. Полный список фарадеевских докладов можно найти на сайте www.faraday-institute.org, где их можно бесплатно скачать в формате pdf.

Дата публикации: апрель 2010. © The Faraday Institute for Science and Religion.